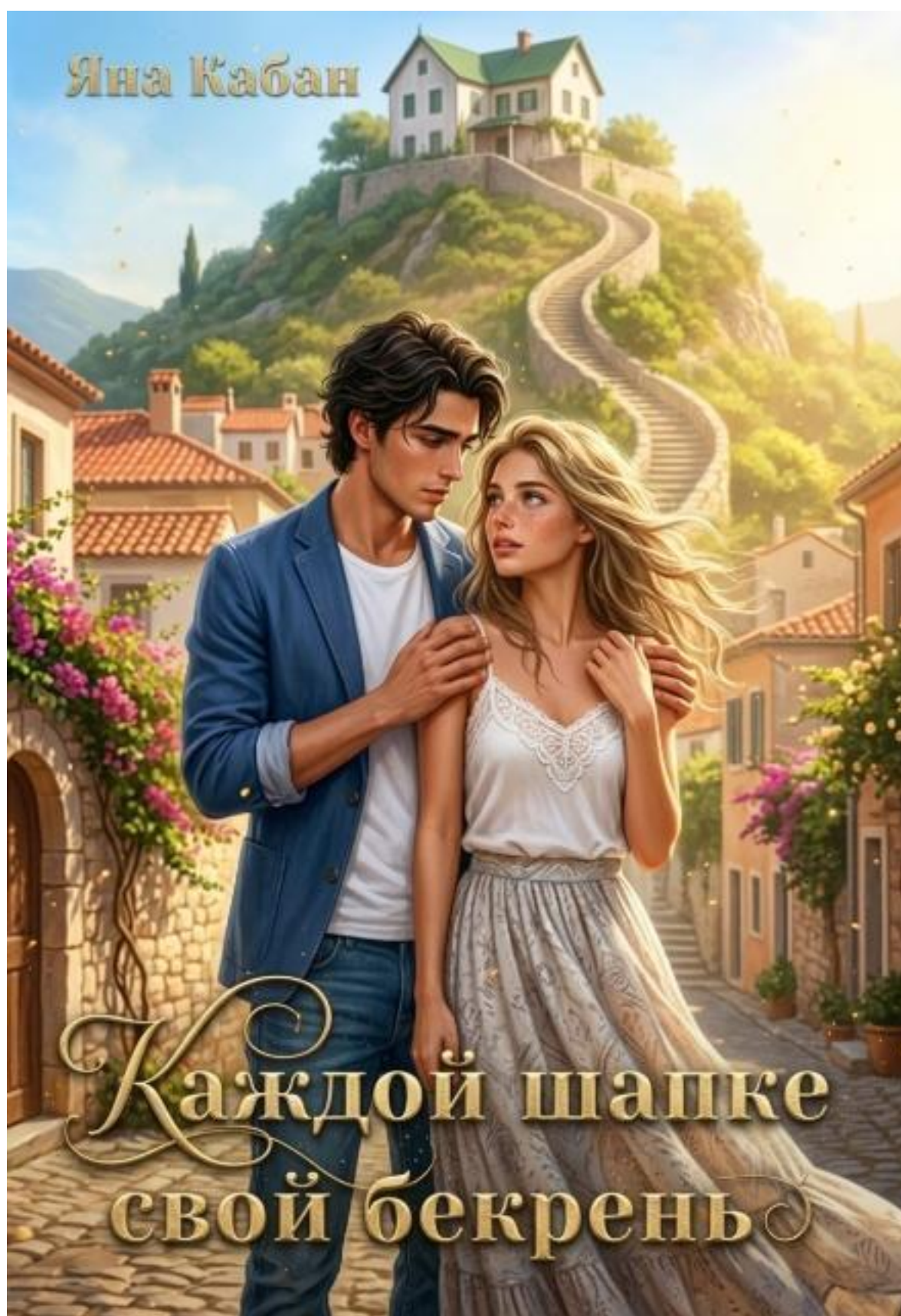

Яна Кабан

Каждой шапке
свой бекрень

Яна Кабан

Каждой шапке свой бекрень

«Литнет»

2025

Кабан Я.

Каждой шапке свой бекрень / Я. Кабан — «Литнет», 2025

Как легко спугнуть неокрепшие чувства! Одно неосторожное слово и между вчерашними влюбленными встала стена холода и отчуждения. «Никогда больше не полюблю!» – сказала она. «Никому больше не поверю!» – сказал он. Он уехал, а она потеряла веру в любовь. Прошли годы, и она решила устроить свою судьбу, доверившись не чувству, а холодному рассудку. Но и холодный рассудок не всегда способен предугадать обман и предательство. Для нее наступили трудные дни, полные разочарования и тревог и в это сложное время бывшие влюбленные снова встретились. Сумеет ли вернуть чувства та, что отказалась любить? Сумеет ли довериться тот, кто отказался верить? #от любви до ненависти #настоящая любовь #от ненависти до любви #первая любовь #измена и ревность #второй шанс #предательство #похищение #погоня #ХЭ #счастливый конец

© Кабан Я., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава I	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	31
Глава 12	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава I

В маленьком южном городке, в старом доме на вершине холма ужинала семья: родители и три их дочери. Кроме них, за столом сидел гость, молодой человек безупречной наружности. Старшая дочь Дина представила его, как своего жениха – волнующее событие для семьи!

Веселая симпатичная девушка Дина пользовалась успехом у парней, имела много друзей, но романы с противоположным полом до последнего времени отрицала напрочь. В чем была причина? Никто в семье не знал. Ходили слухи о какой-то печальной истории, после которой Дина наложила на отношения жирный крест, но девушка никому и ничего не рассказывала. А сегодня, прошу любить и жаловать – жених!

Молодой человек произвел благоприятное впечатление. Умен, хорошо сложен, воспитан. Действующий адвокат и полноправный партнер владельца фирмы. Своя квартира в Москве, небольшая, всего две комнаты, но в хорошем районе, возле парка. Увы, брал в ипотеку, но всё выплатил. Долгов нет. Достраивает дом в Подмоскowie, осенью можно въезжать. Небольшую заминку вызвал вопрос о родителях, Алексей (так звали жениха), чуть смущаясь поведал, что его родители люди простые: живут в Барнауле, мама работает учительницей младших классов, папа военный, на пенсии. Но и этот факт сыграл Алексею на руку – парень не избалован, всего добывается сам, что может быть лучше? Словом, семья кандидатуру жениха одобрила единогласно.

Когда вопросы иссякли, жених изъявил желание подышать свежим воздухом, Дина вызвалась его сопровождать. Мама Дины кинулась было следом, но ее остановил отец: «Ты, мать не переборщи с допросом, а то спугнешь. Сбежит жених, где потом другого искать?..»

Шутки-шутками, но мать и правда решила не наседать. Дай-то бог, чтобы всё у доченьки сложилось хорошо!

Дина и Алексей сбежали из-под родительского надзора на открытую террасу. Сверху – ночное южное небо, под ногами крутой склон высокого холма, где среди буйной зелени прячутся уютные домики. Узкая лесенка ведет от дома к подножию холма, а там за дорогой и широкой набережной – море!

Горячие руки Алексея скользнули девушке под сарафан. Дина отстранилась. Она не была ханжой, но здесь, в старом бабушкином доме, где выросла ее мама, его ласки показались неуместными.

- Соблюдай приличия, – улыбнулась Дина.

Алексей не настаивал, и Дина была ему за это благодарна.

«Внимательный, заботливый, красивый» – эти три слова она твердила, как мантру, день за днем убеждая себя, что лучшей партии ей не найти. И в конце концов мантра сработала: Алексей ей даже нравился.

Дина хотела семью. Хотела детей – смешных, маленьких карапузов. В любовь она давно не верила, на то была своя была причина, но Дина верила в дружеские, равноправные отношения: этого вполне достаточно, чтобы создать крепкую, надежную семью. В этом Дина была убеждена. В том, что у них с Алексеем как раз такие отношения Дина тоже искренне верила.

- Твоя мама не работала в ФСБ? – поинтересовался Алексей. – Столько вопросов! Меня словно рентгеном просветили.

- А ты как хотел? – рассмеялась Дина. – Не каждый день мама дочку замуж выдает. Странно, что она не потребовала твоей родословной до седьмого колена!

- А что, могла? – Алексей тоже рассмеялся.

Улыбка его не красила. Красивое, породистое лицо парня при улыбке выглядело хищным, будто он скалил зубы.

Дина опустила глаза и взяла парня за руку.

- Пойдем, – позвала Дина. – Покажу тебе кое-что.

Вид с дальнего конца террасы открывался великолепный. Днем отсюда виднелось море, пляж, крыши домов, находящихся ниже по склону, а ночью, красивый пейзаж обретал таинственность, которая рождалась светом звезд и сотней огней, горевших в окнах, в фонарях вдоль извилистых городских дорог, в сигнальных огнях маяка и проплывающих по морю кораблях.

Молодые люди стояли молча, замороженные красивым видом. Тишину нарушила Дина.

- Этот дом еще мой прадедущка построил, – сказала она. – Я в детстве часто сюда ездила. Здесь тогда бабушки жили: мамина мама и мамина бабушка. А потом случилась одна история... как-нибудь расскажу, и я больше не ездила. Родители любят здесь бывать, каждый год прилетают, хотя бы на пару дней. Папа даже хотел здесь построить новый дом, архитекторов пригласил. А потом передумал, решил оставить всё, как есть.

- Хорошо, наверное, провести детство на море, – задумчиво отозвался Алексей. – Я в детстве только один раз на море был. На Каспийском. Отца тогда направили в военную часть в Дагестане: пыль, жара, бараки. Он пообещал нас на море отвезти, искупаться. Я все лето ждал: «Когда же, когда?» Наконец поехали. Тряслись два часа в старом УАЗике. Приехали мы на море, а там по всему побережью пятна мазутные плавают. Я всё равно хотел искупаться, но мать не позволила.

Алексей улыбнулся своим воспоминаниям, обнял Дину и прижал к себе, целуя в кудрявую макушку.

Он не стал рассказывать ей, что случилось дальше. Не рассказал, как ревел от обиды и разочарования. Как родители ругались по дороге домой и мать кричала на отца, перечисляя все обиды, невысказанные за долгое время скитания по военным гарнизонам. Как отец внезапно остановил машину, вышел, выдернул мать из салона и ударил ее кулаком в живот: коротко и хлестко.

Мать охнула и согнулась пополам, беззвучно хватая ртом воздух. Отец закурил, спокойно выдыхая дым и прищурившись смотрел на жену. Когда мать, наконец, выпрямилась, бессильно опираясь на дверцу машины, он коротко приказал: «Садись на место.»

И они поехали дальше, будто ничего не случилось. Маленький Леша не смел больше и звука произнести, а мать сидела молчаливая, бледная, постаревшая сразу на несколько лет.

Алексей запомнил этот случай на всю жизнь. Запомнил и на всю жизнь принял, как данность, что прав всегда тот, кто сильнее.

Дина и подумать не могла, какое темное видение из прошлого воскресло в голове ее жениха, но сочувствуя тому маленькому мальчику, что вырос, не видя моря, нежно погладила его по руке, и Алексей сразу отозвался: мягким, но властным движением развернул Дину к себе лицом и поцеловал.

На этот раз Дина не противилась, ни один звук не нарушил их близости, но дальше поцелуев дело не пошло – беспокойные мысли тревожили голову Алексея. Он обнял девушку, положил голову Дины себе на грудь, вдохнул запах ее тела, перебирал ее вечно спутанные кудри, бережно касаясь волос чуткими пальцами.

- Как думаешь, твой отец согласится, чтобы наша компания обслуживала его холдинг? – неожиданно спросил Алексей. – Это было бы отличным подспорьем к нашему семейному бюджету...

Дина уже зевала, утомленная длинным днем и ответила рассеянно, не слишком вникая в смысл вопроса: «Не знаю, у него есть свои юристы. Но поговори с ним, почему нет? Ты теперь член семьи».

Ответ Дины всколыхнул в сердце ее жениха самые честолюбивые чувства. Отец Дины – Иван Ильич Абрамов был человеком известным и состоятельным. Он владел крупным строительным холдингом, был вхож в самые высокие круги общества. Стать членом семьи самого

Абрамова – это дорогого стоило. И он, Алексей Мансуров, этого достиг. Или вернее, достигнет очень скоро, как только обручальное колечко засверкает на тонком пальчике Дины Абрамовой.

Глава 2

Поздно вечером, когда все собирались ложиться спать, мама спросила у Дины с напускным безразличием:

- Вам с Лешей приготовить разные комнаты или...

- Без «или», – спокойно ответила Дина. – Я займу свою комнату, а Леша будет спать в гостевой.

Дина не была ханжой и не собиралась разыгрывать перед родителями спектакль под названием «унасничеготакогонебыло». У них с Лешей действительно «такого» ничего не было. И, кстати, инициатива в этом вопросе исходила от Алексея. С самого первого дня их знакомства он был бережен с Диной. Их близость ограничивалась поцелуями и объятиями и Дину это устраивало. Не создавало лишних проблем. По крайней мере, так Дина объясняла ситуацию себе и своей лучшей подруге.

«- Динка, это не нормально, – горячилась Сима Серафимович, подруга Дины со школьных времен. – Здоровый мужик должен иметь здоровые желания.

- У него здоровые желания, - парировала Дина. – Он хочет создать семью и иметь детей.

- Вот-вот, именно! А как делают детей, знаешь? – подруга с таким состраданием посмотрела на Дину, что та рассмеялась: - Догадываюсь.»

Лежа на кровати в своей комнате, Дина вспомнила тот разговор с подругой и задумалась. Конечно, приятно, когда с тобой общаются как с принцессой, боготворят, дарят цветы и подарки. Но Дина не фарфоровая кукла, она женщина. И как всякая женщина хочет ласки, мужских прикосновений и... и не только поцелуев. От таких мыслей Дине стало неловко и душно. Она откинула одеяло, поднялась с кровати и открыла окно. Свежий морской воздух ворвался в комнату остужая разгоряченное тело и отгоняя непрошенные мысли. Дина прихватила с собой одеяло и выбралась через окно на крышу. Расстелила одеяло на плоской кровле и легла, широко раскинув руки и глядя в звездное небо.

Когда-то в детстве, маленькая Динка часто сбегала от бабушек через это окно. Маленькая, гибкая и сильная, как обезьянка, она ловко соскальзывала по старым заскорузлым виноградным побегам на землю и бесстрашно отправлялась навстречу приключениям.

Дина улыбнулась своим воспоминаниям. Как давно это было?

... Динка убежала из дому.

Старая бабушка (бабушкина мама) обещала остричь ей волосы, если она не будет их расчесывать, а молодая бабушка (мамина мама) не только не защитила, но и поддержала жестокую старуху. Что они прицепились к Динкиным волосам? Разве она их не расчесывает? Но буйные кудри растут как им вздумается и не признают ни укладок, ни расчесок. Что же ей, Динке делать? Раз ее никто не понимает, то и пусть. Домой она больше не вернется. А если и вернется, то через неделю – вот вам! Или через два дня... Ну, уж точно не вернется до ночи. То-то они напугаются!

Динка приготовилась к побегу: насыпала в один мешочек соли, в другой сахару, взяла две банки консервов, пакет чипсов и сложила провизию в пакет. «На пару дней еды точно хватит», – беззаботно думала Динка, мстительно представляя себе испуганные лица бабушек, когда они обнаружат пропажу внучки.

Куда она пойдет, о том Динка не подумала, но как все отважные путешественники, пошла, куда глаза глядят.

Глаза глядели прямо перед собой и Динка бойко спустилась с холма, где стоял их дом, дошла до пляжа, прошла мимо толпы загорающих туристов, мимо бесконечных торговых

рядов стихийного рынка, мимо старых гаражей и свалки, пересекла кипарисовую рощу, с трудом перелезла через гряды серых валунов и очутилась в незнакомом и совершенно необитаемом месте. Перед ней оказался маленький, галечный пляж, закрытый от посторонних глаз валунами и высоким обрывом, в котором, на высоте примерно двух метров от земли виднелась темное, узкое отверстие пещеры. Динка подпрыгнула несколько раз, стараясь зацепиться за край пещеры, но не допрыгнула и оставила исследование земных недр на потом.

По склону обрыва вилась тонкая, едва видимая тропа, круто забирая вверх, по ней Динка собиралась продолжить свой путь дальше, но передумав, решила искупаться и поесть. Купальника у Динки не было, и она прыгнула в воду в чем была: в шортах и майке, только сандалии оставила на пустынном берегу. Накупавшись, Динка решила пообедать. Чипсы она съела еще по дороге, но остались соль, сахар и консервы. Динка достала из пакета провизию и задумалась. То, что соль и сахар нужны для приготовления еды Динка знала, но надо ли солить консервы? И как их открыть? И как же хочется пить!!!

Динка взяла в руки плоский камень и попыталась открыть консервную банку, колотя по ней камнем изо всех сил. На банке оставались небольшие вмятины и только – банка не желала открываться. Динка утроила старания, но всё безрезультатно. Занятая добыванием пищи, Динка не заметила, как с по склону обрыва с тропы, спустились три подростка лет примерно четырнадцати-пятнадцати и окружили девочку с трех сторон, гнусно ухмыляясь.

- Кто такая?!

Динка от неожиданности вздрогнула и подняла голову, отрываясь от своего занятия.

- Здравствуйте! Меня зовут Дина, - вежливо представилась она.

Самый высокий и судя по всему, самый старший из троих, подошёл ближе, ногой подцепил Динкин пакет с провизией.

- А тут у нас что?

Через секунду обе банки из Динкиного запаса превратились в мячи для футбола: мальчишки пинали их и мерзко гоготали, а Динка беспомощно бегала от одного к другому, пытаясь отобрать свои запасы. Устав бегать, она остановилась перед возжаком и гневно крикнула:

- Отдай!

- Полай! – немедленно отозвался тот.

Не рассуждая, Динка вцепилась кулаком в глаз, и мальчишка от неожиданности пошатнулся, но уже в следующую секунду на бедную Динку посыпался град несильных, но обидных тычков с трех сторон, и она тонко закричала, прикрывая свою голову руками.

Динка приготовилась умереть под вражеским натиском, но грозный окрик остановил ее мучителей. Осторожно выглянув из-под локтя, Динка увидела, как из пещеры спустилась деревянная лестница, и по ней на пляж выбрался еще один мальчик: черноглазый и темноволосяный, загоревший до черноты.

Он брел к ним по мелкой гальке, лениво переставляя босые ноги и сонно щурясь на солнце. Длинные, давно не стриженные волосы, волнами падали по обе стороны его узкого лица. Приблизившись, он медленно вынул руки из карманов, и ни слова ни говоря поочередно отвесил по затрепине Динкиным врагам. Те приняли наказание безропотно, только шумно сопя и злобно поглядывая на Динку. Посмотрел на нее и спаситель. Сначала на нее, а потом на раскиданные банки.

- Голодная? – коротко спросил он и, не дожидаясь ответа обернулся к мальчишкам. – Волдырь, Мамзель, сетки проверьте. Санёк, в норе картохи возьми, костер разведи, ужин будем готовить. И к Динке: – Ты кто?

- Дина.

- Собачье имя, – свернул тот, высокий, которого незнакомец назвал Волдырь. – У нашего соседа так собаку звали.

Волдырь незамедлительно получил еще одну затрепину, и отправился проверять сети. Динкин спаситель был скор на суд и расправу.

- Я Данька. Пить хочешь?

- Да.

Мальчишек звали Санёк, Генка по прозвищу Волдырь и Мишка по прозвищу Мамзель. На вопрос о происхождении столь причудливых прозвищ они только пожали плечами, мол, сами удивляемся! Самому старшему – Волдырю, было уже пятнадцать лет, Мамзелю и Даньке четырнадцать, а Саньку, как и Динке всего двенадцать.

- Ты как забрела сюда, малая? – Данька налил ей в стакан чистой и теплой воды из бутылки, наблюдая, как Динка жадно припала к краю стакана.

- Я из дома ушла, – утирая ладонью рот, гордо объявила Динка.

Мальчишки понимающе кивнули и вопросов больше не задавали.

Потом они запекали картошку в костре и жарили рыбу на сковороде. Картошки было мало, а рыбы хватало, только сковорода была маленькая и приходилось долго и терпеливо ждать, когда приготовится следующая порция. Динкины консервы открыли и съели. Пригидилась и Динкина соль, чему она была очень горда – знала, как собрать запасы в дорогу! Сахар Данька тоже одобрил, достал пачку чая, и они вскипятили воду на костре в черной, закоптевшей кастрюле и пили крепкий чай с сахаром. Динка, как и все остальные, сразу и безоговорочно признала Данькино главенство: по его указаниям беспрекословно бежала на мелководье мыть стаканы, собрала и покидала в костер весь мусор, но жирную, подгоревшую сковороду Данька ей отмывать не позволил. «Куда с такими нежными ручками», – буркнул он.

Сковородку отмывал Санёк.

Потом они пошли купаться, и новые друзья учили Динку нырять. Динка до этого дня ни разу не осмелившаяся окунуть голову в воду, под влиянием своих бесшабашных учителей осмелела и не прошло и получаса, как она бесстрашно доставала камни со дна.

- Сколько? – задорно кричала она, барахтаясь на мелководье.

- Два! – отвечал ей Данька, и она ныряла вниз головой, хватая два камня и выскакивала на поверхность, гордо демонстрируя свою добычу.

- Сколько?

- Три!

Скоро начало темнеть и Динка забеспокоилась, поминутно поворачивала голову в сторону дома.

Внимательный Данька сразу заметил ее беспокойство.

- Где ты живешь?

От этого вопроса Динке захотелось плакать. Страх и желание вернуться домой лишили ее сил, и она беспомощно махнула рукой.

- Там... на горе.

- Тут везде горы, – заметил Мамзель.

Динка назвала адрес.

Данька поднялся и протянул ей руку:

- Вставай, малая, отвезу тебя домой.

Пока они поднялись по узкой тропинке по крутому склону уже совсем стемнело. На самом верху, в зарослях густых кустов, возле дороги, был надежно спрятан старенький мотоцикл. Данька вывел его на дорогу, сел за руль.

- Садись.

Динка уселась сзади и обхватила Даньку сначала за плечи, но, когда мотор взревел и мотоцикл дернулся вперед, испуганно обхватила Даньку за пояс, крепко прижимаясь к нему всем телом.

- Держись крепче!

Динка держалась. От Даньки пахло морем и солнцем, дымом костра и немного рыбой. Сквозь тонкую майку Динка чувствовала его тощее и жилистое тело, крепкий, будто каменный живот. Она уткнулась носом ему в спину, Данькины длинные волосы щекотали ей лоб. И Динка тогда подумала, что этот день лучший в её жизни.

Доехали быстро, но Данька предусмотрительно заглушил мотор подальше от дома.

- Дальше пешком, малая. Небось ищут тебя.

Динка согласно кивнула, она догадывалась, что бабушки не будут в восторге от того, где она проводила время, каким способом и с кем она вернулась домой.

- Данька?

- Ммм?

- А мы будем дружить?

Динка разглядела в темноте, как блеснули в улыбке белые Данькины зубы.

- Ну, так мы дружим, малая, разве нет?

Динка счастливо кивнула и помчалась по лесенке вверх к дому. Через пару пролетов ее встретила молодая бабушка и папа, приехавший еще в обед, и успевший обежать все пляжи, больницы и морги в поисках дочери.

Глава 3

Два дня Динку не выпускали из дома. Папа, удостоверившись, что ребенок осознал вину и находится под строгим надзором, благополучно отбыл домой, в Москву, а Динка всеми силами старалась заслужить прощение бабушек.

Рано утром, когда все еще спали Динка вскакивала с кровати и громко распевая патриотические песни раздирала расческой непослушные кудри. Потом готовила бабушкам завтрак (яичницу, другого Динка готовить не умела). После завтрака, когда не выспавшиеся бабушки угрюмо смотрели на часы и размышляли, чем им занять себя в такую рань она уже хваталась за уборку. Мыла посуду, безжалостно гремя тарелками, часть которых неизменно превращалась в осколки. Вытирала мокрой тряпкой до того безупречно чистые окна, оставляя на них мутные разводы. Постирала свои разноцветные шорты и майки вместе с белоснежной блузкой молодой бабушки, превратив последнюю (блузку, а не бабушку) в невзрачную тряпку серо-розового цвета. Затеяла мыть пол, но нечаянно разлила ведро воды в гостиной, которая мгновенно впиталась в шерстяной ковер, и тут старая бабушка не выдержала и решительно сказала:

- Хватит! Если этот ребенок еще день просидит дома – я сама сбегу!

После двухдневного заточения Динка вышла на улицу в сопровождении обеих бабушек. Они чинно дошли до рынка, купили сыру и свежий хлеб и тут Динка заныла:

- Бабулечки, я купаться хочу!..

Бабушки самоотверженно спустились к пляжу, но пробыли там недолго, боялись, что сыр пропадет на жаре. Динка едва успела окунуться, как пришлось возвращаться.

По дороге домой, Динка громко и демонстративно вздыхала и печально оборачивалась назад, к пляжу, всем своим видом показывая бабушкам, как тяжело ребенку, который весь год задыхается в каменной Москве, но и здесь возле моря, вынужден проводить время перед телевизором, потому что некому ребенка водить на пляж, некому гулять с ребенком...

- Надо попросить Лиду, – неожиданно произнесла молодая бабушка. – Она каждый день ходит гулять, вот и пусть берет с собой Динку. Лида девочка взрослая, ответственная – на нее можно положиться.

Сказано – сделано. Шестнадцатилетняя соседка Лидка не могла отказать молодой бабушке, которая была ее учительницей в школе, и с милой улыбкой щебетала: «Конечно, Светлана Андреевна! Разумеется, Светлана Андреевна, я присмотрю за вашей внучкой! Ну, что вы, Светлана Андреевна, мне совсем не трудно!»

Но едва Лидка и Динка вышли за калитку, как Лидка сразу переменялась:

- Ну, вот что, пацанка, я нянчиться с тобой все лето не намерена, поняла? Договоримся на берегу: я иду по своим делам, ты по своим. Встречаемся возле моста вечером, ровно в двадцать часов тридцать минут и вместе идем домой. Усекла?

Динка усекла.

Вполне довольные заключенным соглашением, стороны договора разошлись в разные стороны и Динка снова помчалась на маленький галечный пляж, где уже собрались ее новые друзья.

Спокойная жизнь Динки изменилась.

- Кто вперед до утеса! – кричал Санёк, рассекая волны взмахами тонких, смуглых рук.

Так далеко в море, где стоял утес Динка никогда не плавала, но она храбро плюхнулась в воду вслед за мальчишками, из боязни прослыть трусихой. И доплыла! Разумеется, последняя, но доплыла. Взобралась на круглые, мокрые камни, легла звездочкой и, щурясь смотрела на причудливые облака, медленно проплывающие по ослепительно-голубому небу. Волны бились о камни, ветер путал Динкины буйные кудри, а ей всё было нипочем. Она залиvistо

хохотала, слушая ребячью болтовню и сама что-то говорила, а они слушали, будто она была им ровня и они знали ее очень давно.

Потом поплыли назад. На половине пути Динка выдохлась. Всё чаще переворачивалась она на спину, чтобы отдохнуть, стараясь не думать о бездонной толще вод под ней, берегла дыхание. Волны играли с ней злую шутку: повинаясь движению ее ослабевших рук, они толкали ее к берегу, но тут же оттаскивали назад, в море, так, что берег не приближался ни на йоту.

Динка хотела крикнуть, но страх сковал ей горло. Она только тихо пискнула, но, вот удивительное дело! Данька будто услышал в шуме волн этот отчаянный писк и вернулся к ней, плавая вокруг кругами, как рыба.

- Держись за плечи, – приказал он, и подставил Динке свои широкие смуглые плечи, мокрые и горячие от солнца.

Динка держалась за него и слабо перебирала ногами, а он будто и не чувствовал тяжести, медленно и спокойно двигался к берегу.

С этого дня Динка с ребятами плавала на утес каждый день. Больше она не держалась за Даньку, но сознание того, что он рядом придавало ей смелости и сил.

Накупавшись всласть, ребята отправлялись бродить по узким улочкам тихого солнечного городка, каждый день по одному и тому же маршруту: рынок, набережная и парк. На рынке они покупали горячие и жирные чебуреки и наевшись шли на набережную. Взяв по мороженному, садились на паркет, ели, болтали, смотрели на празднующих туристов. Когда солнце становилось невыносимо жарким, перебирались в парк под тень раскидистых южных деревьев и катались там на стареньких каруселях до тошноты.

По вечерам, как условились, Динка встречалась с соседкой Лидой возле моста вечером, ровно в двадцать часов тридцать минут и отправлялась домой ужинать. Чинно посидев с бабушками, и рассказав им выдуманные истории о прошедшем дне, Динка отправлялась в свою комнату спать.

Там она открывала окно, выбиралась на крышу и ловко соскальзывала вниз, цепляясь за виноградные побеги, густо обвивавшие стены старого дома. Затем она бесшумно пробиралась за калитку, сбегала к подножию холма по извилистой лесенке.

Внизу ее уже ждали друзья. Ввиду малости лет ни у кого из них не было прав на вождение мотоциклом, но взрослые в этом маленьком городке на такое нарушение смотрели сквозь пальцы – главное, не попадаться. И малолетние нарушители разъезжали в основном по ночам, разрывая громким треском сонную тишину городка. Динка и Санёк ездили пассажирами: Санёк с Волдырем или Мамзелем, а Динка всегда с Данькой.

Иногда они встречались с компаниями других мальчишек и тогда устраивали гонки по проселочным дорогам. Некоторые ребята были постарше и за их спинами сидели девочки, все сплошь в коротких юбочках, обтягивающих маечках и с длинными развевающимися на ветру волосами.

Насмотревшись на «ночных девочек», Динка потребовала от бабушек обновления своего гардероба и теперь появлялась на ночных гонках одетая в легкий комбинезон с короткими шортами и узкими лямками, под который одевала широкую блузу с длинными рукавами с эффектно спущенными открытыми плечами. Впервые увидев ее в таком наряде Волдырь присвистнул и поднял вверх большой палец. Динка покосилась на Даньку, как он отреагирует? Но тот, вроде и не заметил перемен в Динкином облике...

Однажды, Динка упала. Они только что закончили гонки, первым пришел Мамзель, остальные шумно его поздравляли. Данька медленно сделал разворот, подъезжая ближе к победителю и тут-то зазевавшаяся Динка позорно свалилась с седла. Она почти не ударилась, только немного поцарапала коленку, но Данька испугался так, будто жить Динке осталось несколько часов. Кто-то услужливо предложил бинт и йод. Данька лично обработал

царапину йодом, осторожно касаясь Динкиной ноги и поминутно спрашивая, не больно ли ей? Потом он крепко замотал ей колено бинтом так, что она не могла согнуть ногу. Одна из «ночных девочек», та, что предложила бинт и йод, сказала Динке: «А твой парень ничего. Симпатичный». Динка независимо пожала плечами и покраснела до корней волос, благо в темноте этого никто не заметил.

Если друзья не устраивали ночных гонок, то чаще всего поднимались вверх по дороге, ведущей к развалинам старинной крепости. Там они останавливались и рассаживались на полуразрушенной стене, глядя сверху вниз на огни ночного города. Мамзель принимался рассказывать страшные истории о призраках, вампирах и отрубленных головах – он был мастер рассказывать. Динка слушала, тихонько взвизгивала, будто от страха, и хватала Даньку за рукав, ища поддержки.

Когда Динка начинала зевать, Данька отвозил ее домой и Динка тем же манером поднималась по виноградным побегам к себе в комнату. Эти ночные вылазки стали для Динки лучшим летним приключением и ее великой тайной.

Глава 4

Дина так и уснула на крыше.

Спалось ей на удивление хорошо. Она проснулась рано утром, потянулась с наслаждением, поднялась, зябко передернув плечами, и через окно вернулась в свою спальню. Дина почистила зубы, приняла душ, оделась, а после зашла в комнату Алексея.

- Его нет, – мама бдительно выглянула из-за угла коридора. – Ушел на пробежку.

- Доброе утро, мам, помочь с завтраком?

Так повелось, что в этот старый дом Абрамовы никогда не брали с собой прислугу. Сначала здесь жили бабушки, которые решительно воспротивились появлению в доме чужих людей, а потом и родители Дина, приезжая сюда стали всё делать сами: готовили, стирали, убирали двор. Нельзя сказать, что от их усилий дом процветал, скорее всё приходило в еще больший упадок, но семья, все, как один находили в таком времяпровождении определенное очарование.

- Отдыхай, – ответила мама. – Я напекла блинчиков, сварила кашу, что еще? Можно сделать бутерброды, если кто-то захочет, есть йогурт...

Мама озабоченно хмурила брови, подсчитывая в уме, хватит ли на всех блинчиков и не останется ли кто-то голодным: ей нравилось чувствовать себя хозяйкой большой семьи.

- Хорошо, – Дина прикоснулась губами к маминой щеке. – Тогда я пойду, полью цветы.

Мама одобрительно кивнула и отправилась на кухню.

Дина медленно поднималась по скрипучим лестницам на террасу. Она проводила рукой по деревянным перилам, выкрашенным когда-то голубой, а ныне совсем облупившейся краской, трогала каменную кладку дома: теплые, нагретые солнцем стены. По каменной стене вились мелкие, замысловатые трещинки и Дина вспомнила, как маленькой девочкой она подолгу разглядывала их, находя, что хаотичные разводы складываются в осмысленные фигуры: она явственно видела бегущих коней, стада слонов и лица людей. Одно из этих лиц так было похоже на старую бабушку, что возле этого места маленькая Динка всегда замедляла свой шаг и двигалась чинно, как и подобает хорошо воспитанной девочке, уверенная, что старая бабушка наблюдает за ней со стены.

Абрамовы любили свой старый дом. Сложенный из белого камня в два этажа, дом имел причудливый вид из-за множества пристроек, выстроенных к нему в разное время, разными поколениями одной семьи. «Эту террасу пристроил дедушка Андрей, – любила приговаривать старая бабушка, – а вон тот флигель его брат Остап».

Дом стоял на высоком холме, от него вниз, по склону холма, вела извилистая узкая лесенка, виляя между высокими деревьями и ниже расположенными домами, спускаясь к морскому побережью. Вокруг старого дома росли кипарисы и пальмы, молодой виноград пустил свою лозу по кованой изгороди, окружавшей дом.

На террасе стоял чан с водой, которая служила исключительно для поливки цветов, в изобилии растущих на открытом пространстве. Дина открыла крышку, зачерпнула воды и принялась поливать цветы, переходя от одного цветочного горшка к другому. Сверху она увидела Алексея. Он стоял далеко внизу, у подножия лестницы, ведущей на холм. Дина помахала ему рукой, но Алексей не заметил – разговаривал с кем-то по телефону.

На террасу позевывая вышел отец.

- Мать сказала, зять спортом занимается?

- Ага, – Дина кивнула, показывая движением подбородка вниз. – Вон он, внизу. Тебе бы, кстати, тоже не мешало спортом заняться.

Отец посмотрел туда, куда указала Дина.

- По телефону болтать? Таким спортом я каждый день занимаюсь, – он задумчиво почесал свой заметно выпирающий живот. – Не помогает.

Дина рассмеялась.

- Пап?

- Ммм?

- Как тебе Алексей?

Отец пожал плечами, задумчиво разглядывая сверху своего будущего зятя.

- Ну, что сказать? Блондин, красавец – от холки до копыт полный порядок, а? – он добродушно толкнул Дину локтем в бок.

- Пап, я серьезно.

- Если серьезно... энергичный. С утра подкатил ко мне с предложением: замахнулся на юридическое обслуживание моего холдинга.

- А ты что?

- Будем посмотреть... Ты главное, скажи – он арбузы не ворует? – отец озабоченно нахмурил брови, едва сдерживая смех.

- Ну, па-ап! – Динка прыснула коротким смешком. – Дались тебе эти арбузы! Неужели помнишь до сих пор?!

- Такое забудешь!.. Алексею рассказывала? Не говори...

Дина подумала, что и правда не все может рассказать Алексею. Про тот случай – точно не расскажет.

... В то утро Данька запаздывал. Он всё чаще отлучался по каким-то своим неведомым делам и ребята проводили время без него: сплавали до утеса пару раз, играли в догонялки, кидали камни «кто дальше» и, наконец, утомившись ждать, отправились в город без своего жожака.

Первым тележку с арбузами увидел Мамзель.

- О, арбузики! И рядом никого...

Рядом и правда никого не было. В нескольких шагах шумел шумный южный рынок, а тележка стояла чуть поодаль, скрытая от посторонних глаз густыми кустами акации. По краям тележку окружала высокая решетка, сквозь которую взрослому было не пролезть, а вот маленькая, худенькая девочка могла вполне. Решение созрело быстро.

- Динка лезь через решетку, будешь нам арбузы сверху кидать – мы поймем.

Динка и подумать не успела, как оказалась сверху арбузной кучи. Выбрала самый большой арбуз и не смогла поднять его на вытянутых руках, чтобы перебросить через решетку: тяжело, да и руки дрожали от страха.

- Поменьше бери, – шипели мальчишки просунув носы в решетку и стараясь не привлекать внимание. – Вон тот! Ага, этот! Давай быстрее!

Динка перекинула арбуз через решетку, и тут раздался грозный окрик: -Вы что делаете, хулиганье!

Мальчишек, как ветром сдуло.

Динка проскочила наружу сквозь решетку и тоже бросилась бежать. Поздно! Со всех сторон ее окружали разъяренные смуглые мужчины в тюбетейках.

Именно в этот момент появился Данька.

- Динка, сюда! – его голос прорвался сквозь Динкин ужас и брань ее преследователей.

Он выскочил из-за деревьев и боднул головой в живот злополучного владельца арбузов. Тот охнул, присел от боли. Данька схватил девочку за руку: - Бежим!

Прорвав заслон нападавших, дети дали стрекача.

Убежать они смогли недалеко. Привлеченный шумом, к месту происшествия поспешил проходивший мимо полицейский патруль, и оказался прямо на пути Даньки и Динки. Даже догонять не пришлось.

Детей доставили в полицию. Вызвали бабушек. В этот же день прилетели родители. На следующий день отчаянно ревущую Динку увезли домой. В Москву.

Глава 5

- Такое забудешь! Я чуть с ума не сошел – дочь в тюрьме! Седые волосы видишь? – отец склонил к дочери безукоризненно густую темную шевелюру, в которой лишь изредка проглядывали седые нити. – Все мои седые волосы с того дня!

Дина обняла отца, вдыхая знакомый с детства родной запах. Она подумала, что этот дом навевает слишком много воспоминаний.

- Прости, пап. Я у тебя такая непутевая...

- Ну уж ты скажешь тоже – непутевая... я вот, когда пацаном был мы такое вытворяли! Что там твои ворованные арбузы! Вот помню, как-то раз... – тут отец запнулся на полуслове и с сомнением посмотрел на дочь. – Впрочем, неважно!

- Пап?

- Сказал, неважно! Рано тебе еще такое про отца знать!..

Продолжая беседовать, отец и дочь полили цветы и спустились в столовую, где пятнадцатилетние близнецы Арина и Милана уже накрывали на стол, щебеча, как весенние ласточки.

- Леша сейчас придет, он пошел в душ! – крикнула Арина.

- Мы сделали ему свежий сок, – подхватила Милана. – Он сказал, что по утрам кофе не пьет!

Видно было, что девочки всеми силами старались угодить гостю.

После завтрака мама предложила пойти на рынок, но все дружно воспротивились: «Какой рынок?! На море! Мам, ты чего?! Завтра утром улетаем!».

- А на ужин что будете есть? В холодильнике пусто!

- Лариса Анатольевна, а давайте мы с Диной сходим? Только скажите, что купить! – Алексей предложил свои услуги с самой очаровательной улыбкой, а Дина чуть не подавилась блинчиком.

Она совершенно не хотела в такую жару вместо пляжа идти на пыльный, шумный рынок, но Алексей всеми силами старался получить одобрение будущей тещи, хотел влиться в семью. Это его желание Дина понимала и поддерживала, поэтому, когда все радостно гомоня собирались на пляж, она уныло нацепила на голову старенькую бейсболку, сменила роскошную пляжную тунику на шорты и майку, обула удобные, растоптанные сандалии.

Отец, обрадованный тем, что его освободили от обременительной повинности таскать с рынка тяжелые сумки, растроганно приобнял старшую дочь: «Береги зятя, детка!». Радостно посмеиваясь, он вприпрыжку поскакал вниз по лестнице, вслед за близнецами.

Мама категорично заявила, что тоже пойдет на рынок.

- Я всего не упомяну, что надо купить, – объяснила она. – Обязательно что-то забуду. Да и сможете вы выбрать то, что надо?

Дина и Алексей вовсе не были в этом уверены.

- То-то и оно, – вздохнула мама. – За мной, молодежь!

Как и ожидалось, на рынке было шумно, жарко и пыльно. Мама, как крейсер прокладывала дорогу в толпе, пробираясь к нужным прилавкам, а Дина и Алексей безропотно шагали следом. От прилавка к прилавку их поклажа становилась всё тяжелее: Алексей взял на себя основной груз, но и Дине досталось немало (по всей вероятности, ужин обещал быть грандиозным).

- Мам, мы что гостей ждем? – ворчала Дина. – Куда столько?

- С собой возьмем, – мама с ридикюлем в руках порхала рядом с ними, словно птичка. – Где ты в Москве такой сыр купишь? Такого нет, а отец любит. Алексею дадим. Алексей возьмет сыр?

- Э-э-э, конечно, Лариса Анатольевна, – обреченно согласился Алексей, и Дина мстительно наступила ему на ногу.

И тут она увидела его.

Динка споткнулась, больно ударилась большим пальцем ноги о камень и закусила губу от боли.

Их глаза встретились.

Это был Данька. Такой же, каким она помнила его всегда, только повзрослевший и непривычно коротко стриженный. Еще у него было бледное лицо. Дину почему-то поразило это больше всего: раньше Данька всегда загорал до черноты.

Его темные глаза смотрели на нее не отрываясь, но выражение лица при этом было абсолютно непроницаемо, и в голове у Дины вертелось: «Наглый. Какой же он наглый! Просто, наглый!»

Ничего другого не приходило ей на ум.

Алексей заметил эту дуэль взглядов и спросил: «Это кто?»

Дина ответила резче, чем хотела: «Никто!»

Она поняла, что по движению губ Данька отлично понял и сам вопрос, и ее ответ. Он перевел взгляд на Алексея, выражение лица его стало саркастичным, уголки губ поползли вверх, складываясь в насмешливую улыбку.

Это было невыносимо, Дине казалось, что она задохнется от гнева и ярости, разрушающей ее.

Данька приставил два пальца ко лбу в приветственном жесте, развернулся, не сказав ни слова и ушел прочь, мгновенно потерявшись в шумной толпе.

Дину бил озноб.

Она вдруг подумала, как выглядит сейчас со стороны: пакеты с закупленной провизией оттягивают руки, вспотевшие волосы прилипли к вискам, по щекам стекает пот, темные, потные круги на спине и в подмышках. Лучше бы ей умереть прямо здесь на рынке, чем испытать такой позор. *«Тебе же всё равно, – ехидно подсказал внутренний голос, похожий на голос Симы Серафимович. – Какая тебе разница, какой он тебя увидел?»*

- Конечно. Мне – плевать! – Дина произнесла эти слова вслух, и Алексей покосился на нее озадаченно.

- Дорогая, все в порядке?

Разумеется. Она, Дина Абрамова в полном порядке. Она всегда в порядке, даже если по одной с ней земле ходит этот чертов наглец! Ненавижу его, просто – НЕ-НА-ВИ-ЖУ!

- А что за парень был? – не унимался Алексей. – Знакомый?

Дине совсем не хотелось отвечать.

- Да, – сдержанно произнесла она. – Так, встречались раньше пару раз.

И тогда Алексей произнес то, что ударило Дину, как обухом по голове.

- А я сегодня уже видел его. Он утром стоял возле вашего дома.

Глава 6

Время до обеда Дина ощущала так, словно всё происходило, двигалось и издавало звуки в пелене плотного серого тумана. Она плохо помнила, как вернулись домой, разложили покупки. Алексей предложил всё-таки сходить на пляж, но Дина отказалась, сославшись, на то, что надо помочь маме готовить обед. На самом деле Дина боялась, что Алексей снова начнет задавать лишние вопросы, на которые она не хотела отвечать.

Алексей ушел один и казался даже довольным, а Дина осталась, и под маминым руководством что-то резала, стругала, кипятила, не замечая ничего вокруг, пока не услышала мамин окрик.

- Да что с тобой?!

Дине словно холодной водой в лицо плеснули. Она вздрогнула и посмотрела перед собой. На столе высилась гора безжалостно изрезанных продуктов: куски мяса, капусты, моркови, баклажанов – всё было свалено в одну кучу.

- Что за винегрет ты устроила? – кипятилась мать. – Я же сказала, мясо брусочками, баклажаны отдельно! Капусту зачем изрезала?

Динке нечего было ответить. Всё это время, пока она орудовала острым ножом, нечаянная встреча не выходила у нее из головы и Дина представляла себе те слова и действия, которые она должна была совершить вместо того, чтобы просто стоять, как безмозглая овца в потной майке и молча смотреть на своего врага.

Разве такой должны была быть их встреча? Нет! Она, Дина Абрамова должна была предстать королевой, выйти из черного лимузина в красивом красном платье и острым каблуком растоптать его тело, валявшееся в придорожной пыли! Но всё случилось не так, и осталось только кромсать что попало под руку, в бессильной ярости.

- Mam, прости, – тихо ответила Дина. – Я увлеклась немного.

- Ничего себе, немного! Что теперь с этим фаршем делать? – и смягчившись от виноватого вида дочери осторожно добавила. – Вы, что, с Лешей поругались?

- Всё в порядке, мам, – Динка отрицательно помотала головой. Ей хотелось заплакать.

- Не надо было его на рынок тащить, – сделала свои выводы мама. – Парень на два дня приехал в гости, а его сумками нагрузили, по такой-то жаре... Ну, да ладно. Мы сейчас из твоего фарша начинку для пирога сделаем. Съедят, как миленькие.

Пирог получился на удивление вкусным.

Мама с гордостью поведала, что рецепт пирога придумала Дина. Отец кричал: «Я в восхищении!» Сестры бурно аплодировали, а Алексей заявил, что и не подозревал, что его будущая жена обладает такими талантами.

- Да, она умеет удивить, – невпопад брякнул отец. Все рассмеялись, но только Дина, помня утренний разговор с отцом, поняла скрытый смысл этой фразы и укоризненно покачала головой. Иногда ее папа вел себя, как большой ребенок.

После обеда близнецы умчались на улицу навестить подружек, которых они завели, приезжая сюда летом на каникулы. Алексей, Дина и ее родители сели играть в преферанс и просидели так до самого вечера, пока мама не всполошилась, что давно пора готовить ужин. Дина снова предложила свои услуги на кухне, а отец с Алексеем пошли обрезать кусты, непомерно разросшиеся вдоль забора. Вскоре вернулись близнецы и заявили, что хотят пойти искупаться последний раз перед отъездом. Остальные тоже решили к ним присоединиться и все дружно направились к морю.

Пляж был переполнен. Несмотря на вечернее время народ не убывал: туристы усердно подставляли заходящему солнцу обгоревшие бока, стараясь по максимуму насладиться южным

солнцем, местные стекались к пляжу после рабочего дня, снять с себя пыль и пот трудовых будней.

Дина отошла подальше от берега, преодолевая накатывающие волны и лавируя между мокрыми телами и поплыла вдаль, стараясь не сойти с оранжевой дорожки, проложенной солнечными закатными лучами от горизонта до самого берега. Море всегда успокаивало ее. В теплых волнах на нее снисходило умиротворение, морская вода смывала горести и печали, обновляла душу и тело. Неподалеку вынырнул Алексей и поплыл к ней, красиво загребая волны загорелыми мускулистыми руками.

- Ну что, к берегу? – крикнул он, поравнявшись с Диной.

- Я еще немного поплаваю, – ответила она. Выходить из воды Дине не хотелось.

Алексей кивнул и поплыл прочь. Дина неспешно перебирала в воде руками, оставаясь на месте и смотрела, как движется в воде его крепкое обнаженное мужское тело. Две девушки, плывущие ему навстречу, что-то прокричали, смеясь, он ответил, и они залились смехом еще громче, развернулись и поплыли следом. «От холки до копыт полный порядок», – вспомнила Дина слова отца. Она усмехнулась и легла на спину, раскинула руки, бездумно глядя в синее небо и покачивалась на волнах. Ее Леша действительно красивый мужчина: Дина не раз замечала, что многие девушки, да и женщины постарше обращают на него внимание, но это никогда ее не трогало.

«Ты бесчувственный сухарь, – говорила Сима Серафимович. – Машика Ефимцева строила твоему бойфренду глазки. И не отрицай! Ты сама это видела!» – «Видела, – пожимала Дина плечами. – И что?» – «Как что?! Он твой парень! Без пяти минут жених и без трех – муж! Если каждая Машика будет так возле твоего Леша уживаться, он когда-нибудь не устоит. Такие поползновения надо прекращать сразу! Неужели тебе всё равно?»

Дине не было всё равно. Видя такое интерес к своему жениху со стороны посторонних дам, она испытывала разные чувства: иногда ей льстило быть подружкой такого эффектного мачо, иногда она испытывала легкое раздражение от постороннего назойливого внимания, но никогда Дина не чувствовала ревность. Или вернее, не позволяла себе чувствовать. Ревность, страсть – все эти безумия любви Дина отметала напрочь.

«Отношения между двумя людьми не бенгальский огонь, гореть ни к чему, – обычно отвечала Дина своей подруге Симе Серафимович на ее упреки, – но ты права в одном, я бы предпочла, чтобы Леша был менее привлекателен, так спокойнее».

Сима Серафимович на такие слова фыркала возмущенно и обзывала подругу «сухарем» и «хладнокровной рептилией». Но Дина ценила в своем женихе не внешность – он казался ей надежным: Алексей никогда не опаздывал на свидания; встречал и подвозил ее домой в позднее время, откуда бы она не возвращалась; приносил ей лекарства и апельсины, когда Дина болела гриппом. Он всегда был рядом, с ним Дина ощущала себя защищенной и считала, что этого чувства достаточно для длительных и прочных отношений. И только в самой глубине ее души, в самом укромном уголке пряталась настоящая причина того, почему она никогда не выказывала своих эмоций – и это был страх: страх быть обманутой и брошенной. Снова.

Глава 7

Перед ужином, решили погулять вдоль побережья. Стемнело. На набережной кроме отдыхающих, беспечно разгуливающих по пляжу в плавках и бикини появились нарядно одетые люди. Играла музыка, многочисленные кафе и сувенирные лавочки приветливо мигали огоньками, привлекая посетителей. Алексей купил у уличных торговков четыре букета цветов для дам. Мама при этом красноречиво посмотрела на отца, ее взгляд без всяких слов говорил: «Есть еще в мире настоящие джентльмены, не такие, как мой муж – грубый мужлан». Отец крикнул с досады и зашептал маме в ухо громким шепотом: «Ну, чего ты, Ларёк? Он жених, ему положено перед тещей выслуживаться. Ну, хочешь, я тебе цветочную ферму в Голландии куплю? Завалю тюльпанами голландскими».

Отец называл маму не Лариса, не Лара или Лора, как многие их знакомые, он звал ей Ларёк. Когда они только познакомились, мама, тогда еще совсем молодая девушка, злилась, протестовала, обижалась, а потом привыкла. Отец же обожал это имя. «Мой Ларёк», – говорил он обычно, и хохотал, донельзя довольный. Мама считала, что у него солдафонский юмор и это было правдой. Но при всей своей солдафонской прямолинейности, отец любил свою жену и своих девочек и для них был готов на всё. И мама это знала.

На площади у фонтана играла музыка, собралась толпа.

– Пойдемте смотреть, – наперебой затараторили близнецы. – Там, наверное, артисты выступают!

Дина рассмеялась, глядя на восхищенные хорошенькие мордашки своих сестренек. Близнецы никогда не переставали удивлять Дину. Ее талантливые сестры собирались поступать в консерваторию, объездили полмира, посетили концерты лучших оперных певцов, сами не раз участвовали в международных музыкальных конкурсах и при этом искренне по-детски обожали уличных музыкантов. Так в них проявлялась черта, присущая всем членам семьи Абрамовых – они любили простые, добрые и понятные вещи.

На импровизированной площадке стояли два музыканта: один играл на гитаре, в руках у другого был аккордеон. Инструментами ребята владели виртуозно, их лица дышали весельем и энтузиазмом. Они пританцовывали в такт своей музыки, а толпа зрителей, чуть подогретая южными легкими винами, охотно отзывалась на их музыку дружным рукоплесканием, зажигательными танцами и щедрыми вознаграждениями. Близнецы отправились в круг танцующих, прихватив в собой Алексея, он сначала упирался, но потом перестал и охотно поддержал девочек, двигаясь в танце легко и красиво.

Дина улыбалась, глядя на них, но потом этот летний воздух, вечер и музыка так живо напомнили ей другие вечера в этом городе, где тоже звучала музыка и где танцевала совсем юная Динка, что ей снова стало не по себе. Она захотела домой.

После ужина собирали вещи, готовились возвращаться в Москву. Отец объявил, что вылет в десять утра и предложил всем лечь пораньше. Мама на это недовольно поджала губы и сказала, что за те деньги, что они бронируют самолет, им должны его, как такси к порогу подавать, в любое время, какое потребуются. Дина с улыбкой наблюдала, как мама в преддверии возвращения домой превращается из хлопочущей домохозяйки с светскую львицу, капризно надувая губы из-за неудобно назначенного времени вылета. Расскажи в Москве маминым подругам, что та лично ходит на рынок за продуктами и печет пироги – не поверят.

Дождавшись, когда все разойдутся по комнатам, Алексей и Дина улизнули на террасу и уселись вдвоем в широком мягком кресле. Кресло, хоть и было широким предполагало наличие только одного места, поэтому их тела были тесно прижаты друг к другу. Жар от мужского бедра, проникавший сквозь тонкую ткань легкого платья, беспокоил Дину, и она пересела на жесткую скамейку: «Жарко».

Алексей вольготно раскинулся на кресле и задумчиво наморщил лоб. Он размышлял.

- Не понимаю, как твои родители могут здесь отдыхать, – искренне недоумевал Алексей.
– Они же обеспеченные люди! Купили бы виллу в Испании...

- У нас есть, – спокойно ответила Дина. – В провинции Аликанте. Мы раньше часто туда ездили, а потом перестали – скучно стало. Папа иногда приглашает туда иностранных партнеров, больше мы ее никак не используем.

- В Испании скучно?! – Алексей захохотал. – А здесь весело?! На пляже не протолкнуться, на улицах пылища, собаки бродячие бегают, знаешь? Меня сегодня утром на пробежке чуть – задумчиво ответила Дина. – Бабушки похоронены, прадедушка Андрей, двоюродный прадедушка Остап, дед Василий, тетя Ирина. Да много, кто еще. Мы ходим на кладбище, могилы убираем. Знаешь, когда папа был молодой, он приезжал сюда, делать маме предложение.

- Выходит я продолжатель семейных традиций? – Алексей обнял Дину, щекоча ей губами ухо.

- Выходит, что так, – улыбнулась Дина.

- Что ж, это объясняет, почему мы не поехали на виллу в Испанию – лицо Алексея просветлело и он довольный откинулся на спинку кресла, насколько это позволяла теснота положения. – Знаешь, что, милая? Завтра ранний подъем, пойдем-ка и мы спать.

И она разошлись по комнатам. На прощание Дина подставила жениху щеку для прощального поцелуя, но в коридоре было слишком темно, и он не заметил ее жеста. Настаивать Дина не стала.

Наконец, в доме воцарилась тишина.

Не спалось только Дине. Она ворочалась с боку на бок, сменяя постель. Вставала, то открывая, то закрывая окно. Ничего не помогало, сон к ней не шел. Наконец, она стала забываться тяжелой, беспокойной полудремой, когда сонную тишину прорезал шум мотора и скрип тормозов. Дина вскочила, выглянула в окно, но отсюда, расположенной далеко внизу дороги не было видно. Она выбралась на крышу, в нетерпении спустилась по стене вниз и как была, босая бросилась из калитки вниз по каменной лестнице.

Внизу холма стоял потрепанный автомобиль. Из него вышли старенькие пенсионеры: муж и жена, жившие в доме у дороги. Жена пошла в дом, а муж отпер ключом ворота гаража, завел мотор, и машина медленно исчезла внутри. Дина стояла в тени кипарисов и наблюдала за ними, не в силах двинуться. Колени ее дрожали, грудь беспорядочно взымалась, дыхание прерывалось от быстрого бега. Чего она ждала? Кого ожидала увидеть здесь ночью, на дороге?

Глава 8

Утреннее происшествие всколыхнуло в Динке старые воспоминания. Она думала, что давно справилась со своей потерей и прежней юношеской влюбленностью, но сегодняшняя встреча со всей очевидностью показала, что это не так.

«Как он смотрел! – думала Динка. – С каким презрением! Да как он смеет? Кто он такой?! Живет здесь, в этом городишке... ненавижу!»

Воспоминания возвращались к ней снова и снова, и она перестала противиться им, окунувшись в них с головой, возвращая к жизни картины прошлого, о которых так старалась забыть. Слишком больно было помнить.

Дело было так...

Динка стала взрослой. Неделю назад ей исполнилось восемнадцать, школа и вступительные испытания в университет позади, впереди целый месяц восхитительного ничегонеделания, а потом – здравствуй, студенческая жизнь!

Год назад отец приобрел новую «игрушку» – виллу в Испании и предложил Динке махнуть туда отдыхать, на весь месяц, но Динка отказалась. Вилла располагалась на закрытой территории охраняемого загородного поселка, который зимой пустовал, а на лето туда съезжались владельцы, в основном англичане и немцы весьма преклонного возраста. Но и их приходилось видеть не часто, поскольку огромные территории каждой из вилл, находящихся в поселке, редко давали шанс увидеть соседей. Словом, на вилле было откровенно скучно: пустынный пляж быстро приедался, а ближайший городок, который находился в пятидесяти километрах от поселка не мог предложить никаких развлечений.

И Динка, сообразно своему новому взрослому статусу заявила, что поедет в старый летний дом с бабушкой, наводит там порядок. Старая бабушка к тому времени уже умерла, а молодая бабушка переехала к детям в Москву, но с наступлением лета затосковала и засобиралась обратно.

- Лето проживу в старом доме и вернусь. Там, небось, всё пылью заросло, двор в сорняках, работы полно.

Динка предложила ей свою помощь, и никто не стал возражать.

Целую неделю Динка и бабушка приводили дом в порядок.

Первым делом сняли все занавески в доме, подняв целые облака пыли. Постирали и вывесили их на улице, где они развевались на ветру, как флаги победы чистоты над затхлостью и грязью. Затем выстирали всё постельное белье, одеяла, полотенца. Вынесли на улицу подушки и матрацы, где они сушились под горячим южным солнцем. Перемыли и перечистили всю посуду, оттерли кафель в ванной и туалете. Вымыли окна, пропылесосили ковры и до блеска надраили пол. В один вечер взялись перебирать старую одежду в шкафах: что-то выбросили, что-то оставили. Динка взялась всё примерять и вышагивала по гостиной, как по подиуму. Хохотали до упаду.

Наконец, выстиранные и тщательно выглаженные занавески вновь вернулись на свои места, кровати манили свежим, приятно пахнущим бельем, посуда на кухне сверкала, и бабушка с внучкой бездельничали, сидя на террасе. Перед ними стоял стол, уставленный вазами со спелыми абрикосами и сливами, Динка заварила чай, а бабушка напекла сладких булочек.

- Ну, вот и славно, – резюмировала бабушка, потягивая чай. – Теперь и гостей позвать не стыдно. Завтра пройду до рынка, зайду к Раисе. И тетю Люсю надо провести. Помнишь тетю Люсю?

- Ага, – Динка взяла с тарелки очередную булочку и подлила себе чаю.

Раиса Степановна и Людмила Афанасьевна были давние бабушкины подруги. Вместе работали в школе: бабушка преподавала русский язык и литературу, Раиса Степановна математику, а Людмила Афанасьевна географию. Подруги были не разлей вода и Динка понимала, как не терпится бабушке похвастать чистотой и уютом своего дома, рассказать о своей новой, московской жизни, и как бы вскользь упомянуть, как зажиточно и безопасно живет ей в Москве с детьми.

У Динки не было каких-то особых планов. Подругами она здесь так и не обзавелась, а о своих давних приятелях вспоминала разве что со снисходительной улыбкой: тогда она была ребенком, а сейчас, что могло связывать ее, взрослого человека с уличными мальчишками?

С утра Динка нежилась в постели, подом долго пила кофе на террасе, доедая вчерашние булочки. Она разыскала в шкафу подшивки старых газет и журналов еще с «доисторических» советских времен и с увлечением принялась их перебирать. Увлеклась романом, которые печатался с продолжениями в разных номерах и просидела над ним до самого вечера. К сожалению, последний номер не нашелся и конец так и остался неизвестным.

К этому времени вернулась бабушка из гостей: воодушевленная, румяная, с целой корзиной спелых персиков.

- А ты все сидишь дома, – всплеснула она руками. – Сейчас же на улицу – дышать свежим воздухом!

Динка подумала, что и правда засиделась, если уж и родная бабушка гонит ее прочь. Быстренько надела купальник под сарафан, прихватила с собой маленький холщевый рюкзак, в котором только и было, что темные очки, да ключи от дома и направилась на пляж.

На пляже, по обыкновению яблоку негде было упасть. Летом городок наводняли толпы туристов и прибрежные волны кипели от прибоя и разгоряченных тел. Динка решила, что не будет долго задерживаться на пляже, сплавает до буйков и достаточно, и потому не стала заморачиваться с поиском места. Скинула сандалии и сарафан у самой кромки воды, бросила рюкзак и медленно зашла в воду, разводя волны руками. Обычно она любила с разбегу нырнуть под набежавшую волну и вынырнув далеко от берега, саженками отмахивать метр за метром, уплывая далеко к горизонту, но на городском пляже приходилось быть осторожной, чтобы не задеть тут и там мелькавшие тела.

Динка доплыла до буйка, подержалась за его скользкие, поросшие зеленой тиной бока и медленно поплыла назад, то и дело погружая голову в зеленоватые волны.

Выбравшись на берег, она не спешила одеться и, подхватив сандалии и сарафан, побрела по берегу, лавируя между лежащими телами. Дошла до раздевалки, сняла и выжала мокрый купальник. Идти в мокром купальнике не хотелось, а сухое белье Динка с собой не взяла. Подумаешь! Динка сунула купальник в рюкзак и натянула сарафан прямо на голое тело. Затянула резинкой непослушные волосы, закрыла глаза темными очками и пошла было домой, но представив, что весь вечер ей придется провести в обществе бабушкиных подруг, передумала. Одно дело, когда они с бабушкой были заняты делом, приводя в порядок старый дом, но совсем другое бездарно проживать драгоценные летние дни.

Глава 9

Динка направилась в парк. Интересно посмотреть, старые карусели еще на месте?

Карусели стояли, где им и положено. На них крутилась загорелая ребятня, оглашая окрестности визгом и смехом. Из глубины парка слышалась музыка и туда потянулись люди. Динка тоже направилась туда вместе со всеми. В парке стемнело и вдоль дорожек зажглись тусклые фонари, освещая дорожки. Люди шагали, кто парами, кто группой и только Динка независимо вышагивала одна.

Музыка становилась всё громче и Динка догадалась, что доносится она с деревянной эстрады, что стоит в парке с незапамятных времен. Когда-то, в пору бабушкиной молодости, здесь читали лекции, потом лекции утратили свое значение и на смену им пришли эстрадные артисты, сначала местные, а потом всё чаще приезжие, чёсом проезжая по прибрежным городкам.

Сейчас здесь не было ни тех, ни других. Яркие разноцветные лучи пересекали старую сцену в такт музыке, огненные вспышки фейерверками вспыхивали и гасли, придавая зрелищу волшебный завораживающий вид, зажигательная музыка гремела, а на сцене группа из пяти человек, четыре парня и девчонка, выдавала такой зажигательный чарльстон, что толпа ревела от восторга. Большие всего аплодисментов и восторженных воплей доставалось девчонке: изящной белокурой красавице с длинными волосами.

Динке хотелось разглядеть их поближе, но она не могла подобраться к сцене, толпа была слишком плотной. Она поднималась на цыпочки, пыталась протиснуться вперед, но безрезультатно. Наконец, музыка смолкла, и огорченная Динка отступила, сожалея, что не смогла рассмотреть всё, как следует. Конферансье неразборчиво объявил новый номер и со сцены донесся приятный и знакомый голос какой-то певицы. Толпа начала рассеиваться.

Динка захотела купить мороженное, пошарила в рюкзаке, но вспомнила, что не взяла с собой ни карты, ни денег, ни телефона, рассчитывая вернуться домой сразу после пляжа.

- Девушка, можно вас угостить?

Прямо перед Динкой стояли двое мужчин лет под сорок, оба, как под копирку небольшого роста, с выпуклыми пивными животиками и масляными глазами. Динка тут же мысленно окрестила их «колобками».

- Благодарю, не стоит, – Динка гордо отвернулась и зашагала прочь.

По шороху гравия сзади она поняла, что «колобки» катились следом за ней. Динка насторожилась. Только что огромная толпа людей как-то незаметно растворилась среди многочисленных дорожек и закоулков старого парка, фонари светили через один, освещая круглыми пятнами только место под собой. Тьма сгущалась.

- Девушка, ну, что же вы! Давайте знакомиться! – в голосах за спиной звучали глумливо-угрожающие нотки.

Динка запаниковала и прибавила ходу. Главное успеть добраться до главной аллеи – там всегда гуляет много людей.

Ее шаги становились всё быстрее, но преследователи не отставали. Если бы Динка побежала, то легко оставила бы их позади – бежала Динка хорошо. Но чувство ложного стыда мешало ей обратиться в бегство, в конце концов, на нее же никто не нападает? Как глупо она будет выглядеть, бросившись бежать от людей, которые всего лишь хотели угостить ее мороженым. Да они первые ее засмеют! Так Динка упустила время, когда ее могли спасти ее быстрые длинные ноги.

-Ну, девушка, стойте же! – один из преследователей, запыхавшись, догнал Динку и развернул ее к себе, схватив руками за обнаженное плечо.

- *Пустите!* – Динка не смогла закричать, от страха перехватило горло, и он только пискнула, умоляюще сложив руки на груди.

- *Да кто тебя держит?* – преследование разгорячило мужчин, и они большие не казались безобидными «колобками», глаза их масляно скользили по Динкиной груди, руки тянулись задирать тонкую ткань ее сарафана... – Сейчас покажем тебе кое-что и отпустим. Давай-ка сюда, под кусток...

Удар Динки был хлестким и точным, от гнева голос прорезался, как сирена:

- *Руки прочь!*

- *Ах ты, шалава!* – один из «колобков» схватился за щеку, разом заалевшую красным пятном, и замахнулся на Динку толстым кулаком, поросшим длинными черными волосами.

Динка отшатнулась и зажмурилась, но удара не последовала.

- *Тю, дядя, ты на кого руки распускаешь?*

Послышался звук, будто на землю рухнул мешок с цементом. Динка осторожно приоткрыла глаза. Один из «колобков», тот, что хотел ее ударить сидел на земле, бессмысленно выпучив глаза. Он пытался подняться, но тут же получил удар ногой в грудь от крепкого парня самого бандитского вида: бритая голова, татуировка змеи на мощной шее, мускулистые руки обвешаны браслетами с черепами. Джинсовые рваные шорты, потрепанная футболка и сандалии на босу ногу, придавали бритому бандиту вид сомалийского пирата.

Динка ойкнула и попятилась.

«Пират» был не один. Его приятель не менее разнузданной наружности хорошо отработанным ударом отправил второго «колобка» головой в кусты. «Колобок» взвыл: «Да вы чего, пацаны! Чего вы?! Из-за девки что ли?»

Еще удар и его слова застряли во рту вместе с разбитыми губами и выбитыми зубами.

Первый «колобок» так и остался лежать земле и скулил, прикрывая голову руками: «Не бейте, пацаны, не бейте! Ой, больно же! Не бейте!» «Пират» продолжал методично пинать его ногами, но как Динка смогла заметить бил он его лишь вполсилы, словно вся злость была вымещена первым ударом, а теперь «пирату» было безразлично касаться этой мрази.

Заступники появились вовремя, но Динка здраво рассудила, что от таких спасителей отделаться будет сложнее, чем от «колобков», и решила «делать ноги», пока обе стороны увлечены друг другом. Осторожно попятившись, Динка стала незаметно отходить в сторону главной аллеи, пока не услышала за спиной окрик.

- *Эй, малайя!*

Динка остановилась, как вкопанная.

- *Не узнала, что ли?*

Глава 10

«Колобки», воспользовавшись тем, что на них перестали обращать внимание, поспешили ретироваться, бормоча проклятия и шумно продираясь сквозь заросли колючей акации.

Динка осталась со своими спасителями один на один. На темной дорожке не было ни одного прохожего, стихли вдали звуки музыки и гомон толпы. Динка разрывалась между желанием сбежать и подойти ближе к «пиратам». Победило последнее.

Шагнули навстречу друг другу одновременно. Встретились посередине дорожки под тусклым светом одинокого фонаря. Ночные спасители были высокими, крепко сложенными парнями, Динке приходилось смотреть на них снизу вверх. На всякий случай, она встала впол-оборота, готовая в любую секунду броситься наутек, туда, откуда доносился неясный гул голосов припозднившихся прохожих.

Бритый бандюган, заметив ее движение, ухмыльнулся, обнажая в улыбке щербатый рот, сбоку не хватал двух зубов.

- Волдырь? – неуверенно проговорила Динка, с сомнением глядя на него.

- Аллилуйя! – взревел Волдырь, громко хохоча. – А я тебя сразу узнал, скажи, Мамзель?

- Мамзель?!

- Он самый, – приятель «пирата» склонился в шутовском поклоне.

Мамзель выглядел потрясающе: высокий, стройный, длинноногий и подвижный, как ртуть. Шальные черные глаза и четко очерченные губы всегда готовые к улыбке, придавали его лицу вид залихватский и притягательно-небрежный.

Куда делись тощий прыщавый подросток, каким был когда-то вечный зануда Волдырь и неуклюжий застенчивый мальчик, каким Динке запомнился Мамзель? Этим двум бродягам палец в рот не клади – откусят. Динка была потрясена: время явно пошло парням на пользу. Внешне, Мамзель и Волдырь ходили друг на друга, как вода на пламень, но всё же были неразлично похожи, связанные многолетней дружбой, что несомненно накладывает на людей общие черты.

- Но как вы? Откуда? – Динка всполошилась и обрадовалась, обнимая старых друзей. Надо сказать, что Волдырь придержал ее в объятия чуть дольше, чем положено старому другу.

- Мы всегда тут, – пожал плечами Мамзель. – Это ты пропала. Надолго приехала?

Ответить Динка не успела. Неподалеку послышались громкие, встревоженные голоса и Волдырь предостерегающе поднял руку, призывая к вниманию.

- Слышь, пацаны, давайте валить отсюда, – озабоченно произнес Волдырь, прислушиваясь к голосам, – а то, как бы эти скуфы ментов не привели.

Не успел он проговорить, как один из недавних Динкиных обидчиков показался из-за поворота и закричал, что было сил: «Они здесь! Товарищ сержант, тут они! Вся шайка!»

Волдырь метнулся к нему так быстро, что этому прыжку позавидовал бы австралийский кенгуру и с разбега заехал «колобку» ногой по физиономии. «Хххх-рясь!»

Динка явственно услышала звук ломающейся челюсти.

- На тебе «сержанта», стукач! Валим, пацаны!

В следующую секунду Мамзель схватил Динку за руку, и они бросились бежать, ломая кусты. Волдырь мчался за ними, громко ругаясь и сопя, как гиппопотам.

На дорожке, под светом фонаря, где секунду назад Динка встретила своих старых приятелей корчился от боли злополучный «колобок». Его товарищ бестолково топтался рядом, не зная, что предпринять: догонять преступников он не хотел. Набежала толпа. Сердобольные

горожане вызвали скорую, какая-то женщина, расталкивая толпу кричала: «Я врач! Разойдитесь, я врач!»

Ей дали дорогу, и она присела возле «колобка», что-то выговаривала ему утешительно, внимательно осматривала и ощупывала ему лицо. Пожилая женщина достала фонарик и осветила бедолагу. Толпа ахнула – зрелище было впечатляющее: казалось, что нос и подбородок потерпевшего поменялись местами.

- Что вы стоите! – неожиданно пронзительно закричала одна женщина, обращаясь к полицейским, которые бдительно осматривали окрестные кусты. – Почему не догоняете грабителей?!

- Да где их догонишь в темноте?! – огрызнулся один из служителей порядка. – Знать бы, куда они побежали...

Толпа взволновалась. Как же так? Людей изуродовали в центре курортного города! И никакой реакции властей! На что тратятся налоги граждан?!

Крики становились всё громче и напористее. Полицейские уныло переглянулись и тут к ним, пробираясь сквозь толпу пробрался бдительный старичок: «Я видел! Товарищ сержант, я видел! Они побежали в сторону эстакады. А оттуда только одна дорога ведет из парка – к станции!»

Полицейские поспешили в заданном направлении.

Та же женщина, что первая обличила полицейских в бездействии воодушевленно предложила «всем мужчинам, что здесь находятся броситься в погоню», но идею не поддержали и толпа стала расходиться. Приехала скорая, «колобков» забрали. В парке снова воцарились тишина и покой.

Все эти события, с того момента, как Волдырь нокаутировал вернувшегося на место преступления «колобка», заняли не больше десяти минут, но дали значительную фору убегающим. Беспрепятственно они покинули парк и спокойным шагом направились в сторону станции.

- Выйдем до станции, оттуда дорогой через старый квартал вернемся в город, – рассуждал Волдырь, поминутно оглядываясь. – Ты как, малайя? Не устала?

- Нормально, – выдохнула Динка. Бежать в темноте, не видя дороги оказалось не легко.

Впереди показались огни станции и одновременно, навстречу им замигал маячок полицейской машины.

- Чёрт, – выругался Волдырь и дернулся назад, но из парка уже выбегали полицейские, идущие по следу.

Беглецов окружили спереди и сзади. Слева, отвесный обрыв, у подножия которого бушевали морские волны, свернуть туда – верная смерть. Справа поросший густой растительностью глубокий овраг, обратная сторона которого граничила всё с тем же парком, что они покинули. Не сговариваясь, беглецы бросились к оврагу. Динка почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног, они неслись по склону, едва успевая тормозить, чтобы не кувыркнуться вниз головой и не сломать свои шеи. Достигли дна оврага, под ногами влажно захлюпало. Сзади, трещали куста, погоня не отставала, раздался крик: «Стоять! Стрелять буду!»

Динка охнула.

- По ручью метров двести, там справа тропинка уходит вверх, туда! – Волдырь командовал, ориентируясь в темноте, как кошка.

Динка молилась, чтобы не споткнуться и не переломать ноги на неровной поверхности. Вот и тропинка. Бежать вверх было трудно. Динка стала задыхаться. Шум погони приближался. Преследователи перестали кричать – тоже берегли силы, но не отставали.

Овраг закончился неожиданно, так же, как и беспросветная тьма. Беглецы оказались неподалеку от эстрады. Горели фонари, тусклый свет которых показался Динке ослепитель-

ным. Под одним фонарем стояли трое, среди которых Динка сразу узнала ту танцовщицу – изящную белокурую красавицу с длинными волосами.

- Ну, наконец-то! – красавица повернулась к беглецам без всякого удивления. – Вас только за смертью посылать!

Глава 11

- Заводи! Валим! – от долгого бега голос Волдыря сорвался, но дважды повторять не пришлось. Весь вид беглецов говорил о том, что все вопросы не ко времени. Пять мотоциклов взрели в ночи. Чьи-то руки толкнули Динку за спину парня в черной футболке и знакомый голос крикнул:

- Держись крепче!

Динка задрала подол и села, обхватив бедрами сиденье. Только сейчас она вспомнила, что на ней по-прежнему нет нижнего белья.

Когда запыхавшиеся полицейские выбрались из оврага следом за беглецами, их и след простыл.

- Отбой, – угрюмо буркнул сержант по рации. – Пришли ребят, парк прочесать, к станции они теперь вряд ли вернуться.

Между тем, один за другим мотоциклисты покинули парк. Дома и деревья, мелькавшие вдоль дороги, скоро кончились, дорога уходила вдоль моря дальше от города.

- А куда мы едем? – прокричала Динка своему безымянному водителю.

- В «Китайскую Пагоду», – ответил тот, не оборачиваясь, – это отель, здесь недалеко. Опоздываем уже. У нас выступление через двадцать минут.

Динка старалась заглянуть в лицо своему водителю, но ей это не удавалось.

- А что у вас случилось? – в свою очередь спросил водитель и сам повернул лицо к Динке.

- Данька?!

Мотоцикл вильнул, выписав полукруг на дороге, Динка крепче обхватила Даньку за пояс, стараясь удержаться и прижалась грудью, не стесненной лифчиком, к его спине.

- Малая, ты?! – Данька был изумлен не меньше, чем Динка некоторое время назад, когда встретила старых друзей.

Он развернул свое лицо к Динке так, что его щека была в самой непосредственной близости от Динкиных губ.

- Дай-ка, угадаю, – развеселился Данька, выравнивая ход мотоцикла. – Ты – Волдырь – ночь – погоня... знакомая история! Вы опять что-то стырили?!

- Ничего мы не тырили, – Динкины губы сами собой расползлись в улыбке. – Ребята отстаивали мою честь, а избитые насильники взяли, да и обратились в полицию. Нас и спрашивать никто не стал.

- Вот как? – Динка даже сидя сзади почувствовала, как посуровело Данькино лицо. – Ладно, доедем расскажешь.

В отеле их уже ждали. Распорядитель, невысокий, худощавый юноша с пышными, будто наклеенными черными усами, которые смотрелись на его худом лице инородным телом, уже бежал к ним ломая руки.

- Ребята, вы меня без ножа режете! Пять минут осталось!

- Извини, брат, – парни доставали из боковых сумок одежду, оборудование быстрыми, привычными движениями. – Обстоятельства.

Почти бегом они направились к маленькому вагончику, стоящему недалеко от открытой сцены, где стояли столики, сидели люди, работал бар.

- Малая мы скоро, – Данька неожиданно быстро обнял Динку одной рукой, другой прижал ее голову к своей широкой груди и поцеловал в макушку – ткнулся коротко горячими губами. – Я рад, что ты здесь, дождись нас, потом отвезу домой.

Снова гремела музыка, разноцветные лучи прорезали темное небо, огненные фейерверки взмывали ввысь. Динка присела на пустую скамейку в тени, рядом с баром. На этот раз она могла без помех рассмотреть представление и признала, что двигаются ребята здорово.

Народ развеселился, стал вставать с мест, пританцовывать. Первыми на площадку перед сценой выбежала мелкая ребятня – дети отдыхающих. За ними потянулись дамы среднего возраста, затем влюбленные парочки, а следом тинейджеры (последние, прежде чем направиться на танцпол, неизменно напускали на себя независимый вид). Дети прыгали, кто во что горазд, дамы незамысловато покачивали бедрами и энергично помахивали руками, зато среди молодых некоторые выдавали почти профессиональные па. Динка сама занималась танцами не первый год и могла отличить профи от дилетантов и любителей. Пока звучала музыка, состав на сцене незаметно сменился, теперь там появились музыканты и солист запел мягким приятным тенором. Динкины друзья, попрыгав со сцены смешались с толпой отдыхающих. Вскоре Динка увидела, что каждый из них пригласил себе пару, выбирая в основном тех, кто был один и не решался участвовать в общем веселье. Блондинка танцевала с импозантным стариком, тот заметно смущался и наступал красоте на ноги.

Динка подошла к бару и спросила, что есть из напитков.

- Напитки только для отдыхающих, – устало буркнул бармен. – Где ваш браслет?

- Налей ей, Михась, – с другой стороны бара вынырнул черноусый распорядитель. – Она с Даней приехала.

Бармен, не говоря ни слова ловким движением плеснул в бокал жидкости из одной бутылки, из другой. Бросил туда лимон, зеленый листочек какой-то травы, лед и протянул Динке: «Прошу».

Коктейль оказался алкогольный. Динка поменяла бы его на стакан простой воды, но постеснялась. Она ведь без браслета и налили ей напиток исключительно по знакомству. Неудобно привередничать.

- Спасибо, – поблагодарила Динка и вернулась на свою скамейку.

Отдыхающие продолжали веселиться. Звучала другая песня и пары поменяли партнеров. Динка увидела, что Данька прижимает к себе в медленном танце молодую, рыжеволосую девушку. Девушка что-то жарко шептала ему на ухо, а Данька смеялся.

«А он стал красивый», – внезапно подумала Динка, прихлебывая коктейль. Хотя надо отдать Даньке должное – он и подростком был привлекательным, но сейчас... «Бабник, наверное, – кольнуло Динку неожиданное раздражение. – Наверняка у него куча девочек».

От толпы отделилась и направилась прямо к Динке белокурая красавица-танцовщица с длинными волосами.

- Привет, соседка, – она плюхнулась на скамейку рядом с Динкой и взяла из ее рук остатки коктейля. – Выпиваешь?

Новое потрясение ждало Динку – это была Лида. Та самая Лида, бабушкина ученица, которая так халатно относилась к своим обязанностям Динкиной няньки.

Ее было не узнать. Во-первых, ранее темноволосая Лида стала блондинкой. Длинные белые, прямые волосы, разделенные на прямой пробор, висели ниже пояса. Во-вторых, Лида вытянулась, набрала значительный вес в нижней и верхней частях тела, а говоря попросту приобрела шикарного размера грудь и выдающуюся попу, которой позавидовала бы сама Ким Кардашьян. Полные губы Лиды были чуть вывернуты наружу и Динка подумала, что тут не обошлось без постороннего вмешательства, но надо была признать – Лида была эффектна.

- Я б тебя тоже не узнала, – констатировала Лида, заметив, какое впечатление произвела на Динку. – То-то я смотрю, что за пыль столбом в вашем доме всю неделю! С бабушкой приехала?

- С бабушкой.

К Динке с разбегу бросился рыжий веснучатый парень и Динка чуть не задохнулась в его объятиях.

- Санёк!

- Ура, Динка приехала! А я тебя не узнал! Думаю, кто такая? А Мамзель говорит – это ж Динка! – Санёк радостно прыгал вокруг неё, как молодой орангутан.

Вот кто не сильно изменился: тот же худенький рыжий мальчишка. Только вытянулся и стал шире в плечах.

Подтянулись остальные, собрали вещи, запаковали в сумки.

- На сегодня всё, – объявил Данька.

Как и прежде, он был вожжаком в их маленькой компании. Он кивнул Динке, приглашая сесть сзади.

- Поехали. Отвезу домой, поздно уже.

Глава 12

Их бурный роман завязался в тот же вечер. Что было тому виной: лето, молодость, жаркие танцы или Динкины тесные объятия, когда мчались они вдвоем по ночным дорогам? Скорее всего и то и другое. При таком количестве причин их связь стала неизбежной. Они оба были красивы, юны, амбициозны и жаждали любви. Что может быть важнее любви, когда тебе восемнадцать лет?

В первый же вечер им не нужно было слов, чтобы понять, как их тянет друг к другу.

Данька затормозил внизу, у подножия лестница ведущей вверх на холм. В окнах Динкиного дома горел свет.

- Бабушка не спит, ой-ей! Сколько время?

- Полвторого ночи..., – Данька слез с мотоцикла, взял ее за руку. – Пошли до дома провозу.

Все время, пока они поднимались по лестнице он не отпускал ее ладонь.

- Завтра, точнее уже сегодня, мы собираемся в девять утра на заброшенном пирсе, потренируемся до жары, вечером к семи часам едем выступать. На завтра три места: «Красный октябрь», «Столица» – это отели, здесь недалеко и одна частная вечеринка. Поедешь?

- Поеду.

- Бабушку предупреди сразу. Поздно вернемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.